

УДК 811.161.1

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-153-159>

Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора

И. Ю. Колесов^{✉1}

¹ Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Сведения об авторе

Игорь Юрьевич Колесов,
SPIN-код: 4520-4975,
Researcher ID: K-9875-2013,
ORCID: 0000-0002-6844-9344,
e-mail: igor.kolesov44@gmail.com

Для цитирования:

Колесов, И. Ю.
(2021) Интерпретирующая
функция языка
и пространственная метафора.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 153–159.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-153-159>

Получена 14 марта 2021; прошла
рецензирование 25 апреля 2021;
принята 25 апреля 2021.

Права: © И. Ю. Колесов (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Одной из тем научных исследований Н. А. Кобриной всегда были различные аспекты взаимосвязи между когнитивной деятельностью человека, его субъективным восприятием, видением мира и свойством вариативности языковых единиц, их приспособляемостью к различным номинативным, структурным и дискурсивным функциям. Креативные возможности человека говорящего лежат в основании способности языка приспособляться к меняющимся условиям своего функционирования и коммуникативным потребностям говорящего. Благодаря своим функционально обусловленным особенностям язык обеспечивает не только коммуникацию: с помощью языка создается специфический для данной культуры способ интерпретировать действительность с помощью вербальных форм.

Анализируемые в статье примеры метафорических выражений называют различные аспекты социального взаимодействия и вербальной коммуникации как его разновидности. Метафорические концептуальные модели широко применяются для интерпретации общения в терминах физического пространства и пространственных параметров, например, таких, как координаты высоты (*вертикаль власти*), длины/ширины (*широкая палитра мнений, длинный разговор*), расстояния/дистанции (*держат дистанцию в общении; держать кого-л. от себя на расстоянии*). Социальные отношения так же легко метафоризируются в концептуальных рамках пространственных параметров (*близкий друг, дальний родственник, перейти границу в поведении, верх приличия* и т. п.).

Актуальность исследования состоит в реализации современного интегративного подхода к таким аспектам языка, как семиотическая природа, коммуникативная актуализация и скрепляющая все воедино когнитивная организация языка. Исследование выполнено в развитие данного подхода к языку, основание которого состоит в единстве системного и функционального в языке при объединяющей роли его когнитивной организации. В его разработку значимый вклад внесен Н. А. Кобриной, и его установки используются в данной статье. Итогом исследования являются выводы об универсальности пространственных признаков, составляющих схемы интерпретации коммуникативных событий и их компонентов, что проявляется в роли концепта «пространство» как области донора при концептуальной метафоре коммуникации.

Ключевые слова: интерпретирующая функция языка, концепт «пространство», концептуальная метафора, область-донор.

Interpretational function of language and spatial metaphor

I. Yu. Kolesov^{✉1}

¹ Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya Str., Barnaul 656031, Russia

Author

Igor Yu. Kolesov,
SPIN: 4520-4975,
Researcher ID: K-9875-2013,
ORCID: 0000-0002-6844-9344,
e-mail: igor.kolesov44@gmail.com

For citation:

Kolesov, I. Yu.
(2021) Interpretational function of language and spatial metaphor. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 153–159. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-153-159>

Received 14 March 2021;
reviewed 25 April 2021;
accepted 25 April 2021.

Copyright: © I. Yu. Kolesov (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0.](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Abstract. One of the research topics pursued by a Russian linguist Novella A. Kobrina was among various aspects of relations set between human cognitive activity, their subjective perception, vision of the world and the variability of language units, their adaptability to various nominative, structural and discursive functions in the language use. The creative human speaking capacities underlie the potential of the language to adapt to the changing conditions of its functioning and the communicative needs of the speaker. Owing to its functionally determined features, the language provides both for communication and for a culturally determined way of interpreting reality with the help of its verbal forms.

The examples of metaphorical expressions analyzed in the article name various aspects of social interaction and verbal communication as its kind. A number of metaphorical conceptual models and schemata are widely used to interpret communication in terms of physical space and spatial parameters, such as coordinates of height, length/width, distance, etc. Social relations are just as easily metaphorized within the conceptual framework of spatial parameters. The relevance of the research lies in the implementation of a modern integrative approach to such language capacities as its semiotic nature, communicative actualization and cognitive organization that binds everything together. The study is carried out in the development of such approach to language, the basis of which is the unity of the systemic and functional in language with the unifying role of its cognitive organization. A significant contribution to its development was made by Novella A. Kobrina, and its framework is used in this article. The study results in conclusions about the universality of spatial features that make up the schemes for the interpretation of communicative events and their components, which manifests itself in the role of the concept “space” as a donor domain in the conceptual metaphor of communication.

Keywords: interpretational function of language, concept “space”, conceptual metaphor, donor domain.

Введение

В одной из публикаций Н. А. Кобрина затрагивает проблему взаимосвязи между когнитивной деятельностью человека, его субъективным восприятием, видением мира и свойством вариативности языковых единиц, их приспособляемостью к различным номинативным, структурным и дискурсивным функциям (Кобрина 2000). Последнее в целом обуславливается креативными возможностями человека, говорящего в силу того, что когнитивная деятельность, сознание человека создали язык таким, каков он есть — вариативным и адаптательным, т. е. способным приспособляться к изменяющимся условиям своего функционирования и коммуникативным потребностям говорящего и слушающего.

Поскольку язык есть естественно возникшая семиотическая система вербальной коммуникации людей, его появление и развитие непо-

средственно связано с развитием памяти, высшей нервной деятельности и является закономерным этапом в развитии когнитивных функций сознания человека, его познавательной деятельности. В современной науке язык как объект изучения имеет весьма широкие границы, его понимание не ограничивается системой знаков, оно также не исчерпывается таким емким понятием, как «дискурс», которое вмещает в себя как язык, так и условия его функционирования. Между этими двумя точками бытия языка размещается такая его ипостась, как система правил коммуникативного поведения человека в актуальных условиях определенной культуры и социума.

Учитывая сказанное, можно отметить, что в современном анализе языка интегрируются его следующие ипостаси: семиотическая природа языка (язык является системой знаков), его коммуникативная актуализация (дискурс в различных пониманиях как речевая

актуализация системы) и объединяющая все воедино когнитивная организация языка.

Основания интерпретирующей функции языка

В развитие подхода к языку, основанного на единстве системного и функционального в языке при скрепляющей роли его когнитивной организации, значимый вклад внесен Н. А. Кобринной, и его установки используются в данной публикации, посвященной как сущности самого подхода, так и памяти талантливого ученого.

Важно отметить, что лингвистика XX в., развивавшаяся в парадигме системно-структурного синхронного анализа языка, раскрыла его сущность как структурно-организованной системы знаков, используемых в коммуникации. Однако, учитывая все те специфические функциональные характеристики языка, которые были детально изучены в Пражской и Лондонской школах структурной функциональной лингвистики, все же полагаем, что семиотическая природа языка не исчерпывает, а лишь предопределяет его сущность как коммуникативного «стержня», скрепляющего в единое целое социокультурный статус человека говорящего. Речевая коммуникация с точки зрения психокогнитивной организации человека является сложнейшим (и притом тончайшим по нюансам своего проявления) механизмом социального использования языковой способности индивида в его речемыслительной деятельности. В свою очередь, речемыслительная деятельность осуществляется благодаря тому, что у каждого члена языкового коллектива есть коммуникативная потребность — потребность сообщать и получать информацию, выражать содержание своего мышления, а также свою волю и эмоциональные состояния, т. е. потребность в общении с себе подобными.

В когнитивном анализе языка понятие речемыслительной деятельности, которое получило детальную разработку в отечественных науках (психологии и языкознании, включая психолингвистику), включено в понятие когнитивно-дискурсивной деятельности. В частности, его используют, характеризуя процесс усвоения иностранного языка и его использование в другой культуре, при сравнении доминант когнитивных процессов, выражающихся в речи, и т. п. Это позволяет увидеть внутреннюю «механику» процессов мышления, которые непосредственно связаны с языком.

Проблема интерпретирующей функции языка оказалась в центре внимания в пионерской

для когнитивной лингвистики работе У. Чейфа «Память и вербализация прошлого опыта» (1977). Уже здесь была поставлена проблема интерпретации, осуществляемой языком и в самом языке. Процессы, связывающие познаваемый мир, язык и сознание, в работе У. Чейфа показаны в модели, включающей ВОСПРИЯТИЕ (мира), НАКОПЛЕНИЕ И ИЗВЛЕЧЕНИЕ (информации) из памяти и ВЕРБАЛИЗАЦИЮ хранимого в памяти опыта познания (Chafe 1977). То, что поступает в сознание и включается в память, не является копией воспринимаемых стимулов, а уже является интерпретацией. А то, что извлекается из памяти для вербализации, также не является всем тем знанием или опытом, а представляет собой обработанную (интерпретированную) для дальнейшей вербализации информацию.

Сегодня когнитивная организация языка рассматривается как совокупность процессов мышления, в которых язык принимает самое непосредственное участие в качестве инструмента когниции, познавательной деятельности. В рамках когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы язык анализируют как гибкий способ знаковой репрезентации опыта и коммуникативного взаимодействия между членами данного лингвокультурного сообщества в любой конкретной ситуации (Сусов 2009), как воплощение, оязыковление знания (Кубрякова 2004) и как воплощение системы знания (Болдырев 2018).

В языке и при его использовании, таким образом, задействованы когнитивные ресурсы сознания человека, осуществляются концептуализация и категоризация, связывающие семиотическую и коммуникативную деятельность, когницию и коммуникацию. Образование языковых знаков в филогенезе человека разумного и человека говорящего обуславливало развитие таких когнитивных способностей человека как абстрагирование, отвлечение от конкретных обозначаемых ситуаций, вычленение элементов ситуаций и их схематизация. В свою очередь, эти действия сознания способствовали усложнению самих знаков и созданию системы языковых знаков, а также кристаллизации главной функции языка как инструмента познания, выражения знания и вербальной коммуникации. Таким образом, благодаря своим функционально обусловленным особенностям язык обеспечивает не только коммуникацию: с его помощью создается специфический для данной культуры способ интерпретировать действительность с использованием вербальных форм.

Концептуальная метафора коммуникации, основанная на пространственных образах, как результат интерпретирующей функции языка

Предлагаем далее рассмотреть в рамках данной публикации результат воплощения данного интерпретирующего свойства языка на примере концептуальной метафоры, основанной на пространственных образах.

Метафора уже традиционно для когнитивной лингвистики рассматривается в качестве такого ментального механизма, который дает широкую возможность представить результаты языковой интерпретации опыта благодаря тому, что мыслительная и вербальная деятельность диалектически и онтологически соположены. Как в самом устройстве языка, так и при функционировании его единиц структур в том, как они служат цели выражения результатов мышления, всегда имеется специфическое содержание, передаваемое в коммуникации, свидетельствующее о креативном мыслительном действии человека говорящего, проявляющейся в «конструировании» (construal) познавательного опыта человека в форме языковой картины мира.

Анализируемые ниже примеры метафор называют различные аспекты социального взаимодействия и вербальной коммуникации как его разновидности. Метафорические концептуальные модели широко применяются для интерпретации общения в терминах физического пространства и пространственных параметров, например, таких как координаты высоты (*вертикаль власти*), длины/ширины (*широкая палитра мнений, длинный разговор*), расстояния/дистанции (*держат дистанцию в общении; держать кого-л. от себя на расстоянии*). Социальные отношения так же легко метафоризируются в концептуальных рамках пространственных параметров (*близкий друг, дальний родственник, перейти границу в поведении, верх приличия*, и т. п.).

Как показывает анализ, концептуальная метафора в рассматриваемых языковых выражениях создается в результате переноса знания о действительности, представленного концептуальными схемами (моделями) из области источника «Пространство», в области мишени «Речевое общение» и «Социальная коммуникация». Выявленные примеры репрезентируют знание о признаках расположения объектов в пространстве, о пространственных признаках физических тел — их топологии (форме), параметрии (пространственных величинах),

мереологии (отношения целого и его частей), а также о траектории и направлении движения.

Рассмотрим некоторые пространственные метафоры путем анализа слотов фрейма «Пространство», которые могут быть обнаружены в слотах фреймов «Речевое общение» и «Социальная коммуникация». Анализ проводился с привлечением выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В результате анализа выявлен ряд пространственных концептуальных схем, перенесенных в слоты фреймов «Речевое общение» и «Социальная коммуникация».

Так, речевая коммуникация и общение концептуализируются с помощью *параметрических схем*, отражающих трехмерность физического пространства. Обратимся к примерам, отражающим интерпретацию общения на основе схем «ДЛИНА» (*длинный разговор (беседа), длинные анекдоты (монологи, речи), длинная пауза* и т. п.), «ШИРИНА» (включая такие параметры, как ширь, протяженность, широта и обширность: *широкая палитра мнений, широкий жест, в широком/узком смысле, широкий контекст, широкая огласка* и т. п.) и «ВЫСОТА» (*высокие слова, высокий стиль*). Обратимся к примерам предложений:

Поскольку история получилась длинной, то приведено лишь несколько эпизодов. [о тексте киносценария] Кино чуть стерильноватое. Длиннее писать ломает. Эти дискуссии нашли широкое освещение в средствах массовой информации. Потому что они словно выше любых эпитетов. (НКРЯ)

Знание о траектории и направленности движения интерпретировано в метафорических выражениях, выражающих динамическое поступательное развитие коммуникативных событий посредством активации схем «ДВИЖЕНИЕ» и «ТРАЕКТОРИЯ (ПУТЬ)» в следующих вариациях:

- движение как перемещение между точками в пространстве: *разговор пошел, идет, шел, пойдет о чем-л.*;
- движение к точке прибытия: *дойти до сути*;
- изменение траектории движения: *свернуть с темы, повернуть разговор, уйти в сторону от главной проблемы, разговор шел по кругу (вокруг какого-л. вопроса)*.

Представляет интерес метафора движения и пути (траектории) в художественном тексте, свидетельствующая о креативности авторов в концептуализации речевого общения:

И всё-таки разговор сорвался с дорожки [А. Солженицын]. *Разговор, кажется, качнулся в его пользу* [Л. Улицкая]. *Разговор между тем переметнулся на литературу, то есть вернулся к <...> диспуту ...* [А. Азольский]. *Ринат, недовольный, что разговор зашёл в другую сторону, вернул его в практическое русло* [А. Славковский]. (НКРЯ)

Подобные примеры позволяют предположить, что широкие возможности, которые реализуются при осмыслении речевой коммуникации при помощи пространственных признаков, являются свидетельством того, что концепт «пространство» оказывается универсальным и всеобъемлющим инструментом концептуализации коммуникации. Будучи содержательно широким концептом, «пространство» из области-источника становится областью-донором, т. к. большое количество частных признаков используется в метафорическом переносе.

Обратимся к иным параметрическим и мереологическим схемам пространства, обнаруживаемым среди пространственных метафор коммуникации. Они включают такие схемы, как «ГРАНИЦА» (включая контрарный параметр «неограниченность»): *бесконечный разговор, круг обсуждаемых проблем, открытый разговор*; «РАЗМЕР»: *крупный разговор*; «КОНТЕЙНЕР»: *пустые разговоры*.

К заимствуемым в процессе интерпретации внешним признакам формы относится признак «шнур» — протяженный гибкий линейный предмет, имеющий свойства разрываться и соединяться (*разговор оборвался/завязался*): *Всё-таки разговор оборвался* (НКРЯ).

На основе того, что физические свойства материи относятся к свойствам субстанции как признака объектов с пространственными признаками, в анализе выделен такой слот фрейма «пространство», как «субстанция, имеющая свойства вязкости, плотности среды, поглощающая объекты»: *ввязаться, впутаться, вмешаться, вступить в разговор, втянуть кого-л. в разговор*.

В художественном тексте могут актуализироваться и другие признаки из схемы «СУБСТАНЦИЯ», используемые для номинации речевой коммуникации (разговора):

Последняя фраза, очевидно, была сказана просто так, чтобы прекратить скользкий разговор [А. Т. Аверченко]. *Василиса <...> первой начала разговор, который давно уже висел в воздухе* [Л. Улицкая]. *И Екатерине Алексеевне пришлось скомкать столь важный разговор о перспективах режиссуры в цирке* [И. Э. Кио]. (НКРЯ)

Не менее разнообразные признаки области-донора «пространство» обнаруживаются в метафорах социальной коммуникации. Обратимся к уже названным схемам для экспликации ряда признаков пространства: «ВЫСОТА» (*вертикаль власти, верх приличия*), «ШИРИНА» (*широкая известность, широкое понимание*), «ГРАНИЦА» (*перейти границу в поведении; не видеть (ощущать) границы в отношениях*), «ДИСТАНЦИЯ (РАССТОЯНИЕ)» (*близкий друг, дальний родственник, далекие предки (потомки), держать дистанцию в общении, держать кого-л. от себя на расстоянии, держаться на расстоянии/подальше от кого-л.*). Приведем примеры:

Ради таких открытий стоило несколько поступиться гордостью: Хэмфри Дэви чётко держал социальную дистанцию, не позволяя Майклу переступить ту границу, за которой он оставался лаборантом, личным секретарем, а временами — просто слугой [А. Сидорин]. *Эта способность появилась у них ещё триста миллионов лет назад, когда они покинули моря и реки, где жили их далёкие предки, и пустились завоёвывать сушу* [«Знание — сила»]. (НКРЯ)

Высокая роль пространственных признаков в концептуализации вербальной и социальной коммуникации подкрепляется тем, что среди них могут быть выделены те, которые претендуют на статус универсальных. В качестве примера обратимся к «донорскому» признаку расстояния и дистанционности в выражениях *близкий друг* и *далекий друг*. Всем достаточно понятно, что *близкий друг*, как и близкий человек — это, как минимум, «родственная душа», человек, близость которого основана на близком социальном общении. *Далекий друг* — это не тот, с кем нет близости (человек без близкой связи по умолчанию не входит в круг друзей), *далекий друг* находится в отдалении в данный момент, на расстоянии буквально, это может быть тот же близкий друг, но в отъезде. *Далекий друг* не имеет семантического сходства с выражением *далекий (дальний) родственник*, где подчеркивается

непрямая, отдаленная степень родства (родство — признак постоянный) и имплицуруется отсутствие тесного контакта и обоюдного позитивного социально-личностного общения. Это подкрепляет нашу интерпретацию нивелирования признака метафорического переноса в выражении *далекий друг*. Друг — всегда близкий человек.

На аналогичной основе может быть описана оппозиция *друг — враг*. Она является равновесной только в логическом смысле, но не равновесна в концептуальном плане: близким или далеким может быть друг, но не враг, враг уже отделен социальной, нравственной, этической, политической и военной дистанцией и включен в пространство «чужое», в основе которого лежит значительная дистанцированность от я-говорящего.

Приведем примеры из художественного текста:

Друг мой далекий и близкий такой! [С. Спивакова]. *Замечательные детские книги в их доме на Автозаводской про синие листья, Динку и Васька Трубачева были подписаны аккуратным женским почерком далекой и ни разу не виденной родственницы из таинственного мира большой литературы* [А. Варламов]. (НКРЯ)

В этой связи уместно обратиться к пространственным метафорическим выражениям *недалекий человек* и *близкий человек*, которые синонимичны по пространственным признакам (недалеко ~ близко), но ярко демонстрируют интерпретацию совершенно различных областей знания при помощи данных признаков: «недалекий» — не очень умный; ограниченный: *недалекий человек; Она оказалась очень недалёкой; недалёкого ума кто-л.* (об умственно ограниченном, малоспособном человеке), тогда как «близкий» — «тесно связанный с кем-, чем-л. какими-л. отношениями, близкий кому-л.

по духу, по интересам: *близкие к природе, к театру люди; быть с кем-л. в близких отношениях (в дружеских или интимных); близкая подруга; близкий сердцу человек*» (БТСРЯ 1998).

Обратим внимание также и на то, что метафоризация пространственного образа может получать дальнейшее развитие. Речевое действие переосмысливается благодаря закреплению расположения элементов словосочетания в его структуре, т. е. благодаря нарастанию признаков конструкции в номинациях коммуникативных событий, например, выражение *короткий разговор* противопоставляется предикации *разговор короткий* (с обязательной постпозицией определения). Идиоматическое выражение *разговор короткий* может обозначать уже не речевой акт, а социальное (воспитательное) действие, которое следует в виде наказания вместо воспитательной беседы (и уж если она имеет место, то будет предельно краткой): *И разговор короткий — ремень* [А. Рыбаков] (НКРЯ).

Выводы

Итогом анализа актуализации признаков пространства является понимание концепта «пространство» как области-донора своих признаков для метафорической номинации коммуникации (речевого общения и социальной коммуникации). Проведенный первичный анализ в сфере инвентаризации используемых признаков и метафорических выражений о коммуникации показал, что метафорическое осмысление коммуникации дает возможность доступа в «окно сознания», к процессам и результатам языковой концептуализации — интерпретации знания о человеческой коммуникации. При широком понимании коммуникации в этот образ оказываются включены когнитивные, семиотические, коммуникативные (функциональные, прагматические, социально-личностные и т. п.) явления.

Сокращения

НКРЯ — Национальный корпус русского языка

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка

Источники

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 01.03.2021).

Словари

Кузнецов, С. А. (ред.). (1998) *Большой толковый словарь русского языка: А—Я*. СПб.: Норинт, 1534 с.

Литература

- Болдырев, Н. Н. (2018) *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. М.: Издательский Дом ЯСК, 480 с.
- Кобрин, Н. А. (2000) Язык как когнитивно-креативная деятельность человека. В кн.: *Studia Linguistica: сборник научных трудов. Вып. IX*. СПб.: Политехника Сервис, с. 23–29.
- Кубрякова, Е. С. (2004) *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры, 555 с.
- Сусов, И. П. (2009) *Лингвистическая прагматика*. Винница: Новы Книга, 272 с.
- Chafe, W. (1977) The recall and verbalization of past experience. In: R. W. Cole (ed.). *Current issues in linguistic theory*. Bloomington: Indiana University Publ., pp. 215–246.

Sources

- Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]*. [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 01.03.2021). (In Russian)

Dictionaries and reference literature

- Kuznetszov, S. A. (ed.). (1998) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A—Ya [Large explanatory dictionary of the Russian language]*. Saint Petersburg: Norint Publ., 1534 p. (In Russian)

References

- Boldyrev, N. N. (2018) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka [Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language]*. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK Publ., 480 p. (In Russian)
- Chafe, W. (1977) The recall and verbalization of past experience. In: R. W. Cole (ed.). *Current issues in linguistic theory*. Bloomington: Indiana University Publ., pp. 215–246. (In English)
- Kobrina, N. A. (2000) Yazyk kak kognitivno-kreativnaya deyatel'nost' cheloveka [Language as a cognitive and creative human activity]. In: *Studia Linguistica: sbornik nauchnykh trudov [Studia Linguistica: Collection of scientific papers]. Iss. IX*. Saint Petersburg: Politekhnika Servis Publ., pp. 23–29. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge. Towards acquiring the knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 555 p. (In Russian)
- Susov, I. P. (2009) *Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]*. Vinnitsa: Novy Knyga Publ., 272 p. (In Russian)